

УДК 340.1

О.А. Пучков**ИДЕЯ ПРАВА КАК НЕПОЗНАННЫЙ ФЕНОМЕН ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ***

Анализируются понятия идеи права и правоприменения. Автор обосновывает мысль о том, что в основе применения права должна лежать идея права. Современные тенденции правоприменения убеждают, что, начиная с послевоенного времени, правоприменительные органы (и прежде всего суды) все чаще выносят решения и приговоры не только на основе норм позитивного права, но и руководствуясь нормами морали, нравственности, принципами уважения прав личности и ее свобод. Идея права – концепт, в котором в концентрированной форме выражается императив, подразумевающий соблюдение органами государства прав и свобод личности, морали и нравственности и т.д. Влияние идеи права на правоприменение способно придать последнему свойства, соответствующие современным представлениям о справедливости и моральности права.

На основе анализа актов конституционного правосудия, судебных прецедентов автор доказывает, что судебные решения и иные правоприменительные акты, принятые под влиянием идеи права, обретают новые качества, позволяющие им динамично оказывать позитивное правовое воздействие. В результате, акты правоприменения могут рассматриваться как право в собственном смысле слова.

Ключевые слова: право, идея права, применение права, решение суда, прецедент, правоприменительный акт.

DOI: 10.35634/2412-9593-2019-29-4-522-529

Целью настоящей статьи является обоснование положения, согласно которому идея права, воспринятая правоприменительными органами как принцип деятельности, способна изменить характер применения права, сделав его более гуманным, справедливым и человечным. Для реализации поставленной задачи осуществим необходимую понятийно-терминологическую работу и проясним содержание понятий «идея права» и «применение права». Эти понятия имеют ключевое значение для нашего исследования.

Прежде всего отметим, что в англоязычной зарубежной юридической литературе термин «идея права» (*Idea of law*) используется достаточно активно, однако без четкой дефиниции данного понятия. Так, еще в 1939 г. Р. Паунд (*Roscoe Pound*) и Э. Уэлш (*Edmund A. Walsh*) в своей совместной статье предприняли попытку описать идею права для международных отношений, усматривая идею права в наличии права вообще, права муниципалитетов, частного права, права на защиту и т.д. [37. С. 10-32]. Этот подход получил известную поддержку в других исследованиях более позднего времени. Например, Тай Хенг Ченг (*Tai-Heng Cheng*) в обзорной статье, посвященной ежегодному собранию Американского общества международного права (2009), под рубрикой «Идея права» рассмотрела некоторые проблемы международного права, такие как международные споры, соблюдение конвенции ООН по морскому праву и т.д. [41. С. 113-116]. Другие авторы, например М.Д. Стафли (*M.D. Stafleu*), пытались обосновать идею права, например, естественным правом [35. С. 88-104]. Этот подход, с нашей точки зрения, весьма логичный и правильный, получил известную поддержку в других исследованиях. Так, Дэвид Джонс (*David M. Jones*) проанализировал идею права в политической мысли Восточной Азии, рассмотрев ее сквозь призму конфуцианства, естественного права, нравственности и т.д. [29. С. 18-35]. В связи с этим особо следует выделить монографию Д. Ллойда «Идея права» (1964). Российское издание книги вышло в 2002 г. и сразу обратило на себя внимание широким взглядом автора на проблему идеи права. Английский исследователь понимает содержание идеи права достаточно широко – как единство естественного права, свободы, морали, справедливости и силы [18].

Обобщая научные подходы зарубежных исследователей, можно заключить, что авторы пытаются обнаружить главную, сквозную *идею права* во многих феноменах прошлого и настоящего права – в средневековом праве [41], современном частном праве [31. С. 916-917], публичном праве [34. С. 503-504] и даже в собственно в юридической теории [43. С. 5-24].

В российской юридической науке советского и современного периодов наблюдается несколько иной подход, связанный с сильным влиянием идей формально-юридического направления в отечест-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-29-16148 «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий».

венной теории права [23. С. 97-100]. Так, С.С. Алексеев в книге «Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей» (2009) высказался в том смысле, что идея права заключается в единстве двух моментов – силе права и предоставлении правом социальной свободы [7. С. 17-50]. В свою очередь другой исследователь – М.В. Шугуров указывает: «Идею права в самом общем содержательном виде можно понимать как меру («право как мера...»). В наиболее общем плане идея права – это видение права как меры и свободы, и справедливости, и равенства, и ответственности» [27. С. 41].

Резюмируя доминирующие тенденции исследования права в современной юридической науке, приходится констатировать, что идея права как предмет научного познания долгое время оставалась сродни обратной стороне Луны в астрономии, которую люди увидели лишь в 1959 г. – через 2 000 лет после начала астрономических наблюдений. Поэтому идея права и по сей день остается загадочной, во многом противоречивой стороной бытия права, потому недостаточно изученной юридической наукой. Подтверждением этой мысли является тот факт, что в учебниках по философии права, теории государства и права идея права как научная и практическая проблема авторами практически не ставится и, соответственно, не решается.

С нашей точки зрения, идея права – это теоретически обоснованная и практически подтвержденная концепция сущности права, выражающаяся в единстве таких основных характеристик права, как регулятивность, соответствие правам человека, разумность и справедливость, свобода и ответственность.

Применительно к теме нашей статьи значение идеи права и актуальность ее установления научными средствами заключается в том, что идея права представляет собой общий масштаб поведения властвующего субъекта, границы действий правоприменителя и в конечном итоге критерий оценки юридического дела, завершающего юридический процесс. Несоответствие идее права правоприменения (как юридического процесса и его закономерного итога) порождает возможность отмены правоприменительного акта. Таким образом, идею права можно рассматривать как «лакмусовую бумажку», с помощью которой можно получить репрезентативные данные о соответствии правоприменительного акта «духу права» (Р. Иеринг) [14].

Теперь кратко проясним понятие «применение права».

В дореволюционном правоведении термин «применение права» употреблялся в достаточно узком смысле – как норма объективного права, являющаяся основой судебного решения. Например, Е.Н. Трубецкой в своей «Энциклопедии права» (1919) понимал применение права как процесс установления судом подлинности правовой нормы, устанавливаемой с ее помощью всесторонней («высшей» и «низшей») критики [25. С. 107-109].

В современной зарубежной юриспруденции понятие «применение права» не несет самостоятельной теоретико-правовой нагрузки. В статьях и монографиях ученые используют близкие по смыслу термины «процесс вынесения судебного решения» (adjudication process), решение суда (the court's decision), приговор суда (court sentence) [39]. Напротив, в советской юриспруденции понятие «применение права» получило фундаментальную теоретическую разработку. Благодаря усилиям П.Е. Недбайло [20], В.М. Горшенева [12], И.Я. Дюрягина [13], В.В. Лазарева [17] применение права стали рассматривать как одну из основополагающих юридических категорий, в одном ряду с такими понятиями, как право, правотворчество, правовое регулирование и т. д. [9]. Общей методологической основой для исследований советских правоведов выступала правовая идеология марксизма-ленинизма, а также гносеологические установки юридического позитивизма. В результате, правоприменением стали признавать один из видов государственной деятельности, а роль правоприменителя отводилась системе государственно-властных субъектов, уполномоченных рассматривать и разрешать юридические дела (в первую очередь таковыми признавались суд и органы административной юстиции) [8; 12; 16; 21; 26]. Идея правотворчества, правоприменения и собственно права заключалась в том, что они рассматривались как феномены, всецело опосредуемые государством. Действительно, в реальной правовой жизни советское государство объективно «возвышалось» над правом и его производными, и это обстоятельство не могло не получить соответствующую констатацию в научной литературе: именно государство определяло не только содержание права, но и формы его реализации, в том числе посредством правоприменительной деятельности. Не случайно, что в этом контексте С.С. Алексеев отмечал существенное юридическое значение «индивидуально-правовой деятельности, осуществляемой компетентными государственными органами» [6. С. 322].

Однако современные трактовки правоприменения демонстрируют большее разнообразие мнений по интересующему нас вопросу.

Каковы же актуальные характеристики правоприменения?

Прежде всего, отметим, что применение права не сводится исключительно к властной деятельности «компетентных органов». Социальный смысл правоприменения состоит в воплощении права в социальной практике, в «оживлении» его содержания (в первую очередь – нормативного), которое вне социальной практики становится сугубо декларативным и нерелевантным общественно-экономической системе. В связи с этим трудно не согласиться с мнением классика немецкого правоведения Р. Иеринга, который отмечал: «Что не реализуется, не есть право и наоборот, то, что отправляет функции, есть право, хотя бы оно и не было признано таковым» [14. С. 47]. Реализуемость, таким образом, выступает одновременно и в качестве функции права, и в качестве его неотъемлемого свойства. Сферой реализации права, как верно отмечает М.Ф. Маликов, выступают общественные отношения [19. С. 285]. Из этого логически следует, что субъектами реализации права выступают все лица, обладающие правосубъектностью в духе известной максимы Г.В.Ф. Гегеля: «Будь лицом и уважай других в качестве лиц» [11. С. 98].

В правоприменительной деятельности идея права выступает в качестве аксиологической парадигмы, социокультурный концепт которой составляют нравственные ценности, исторически сложившийся общественный порядок и обычаи, правосознание и основные принципы построения государства и функционирования общества. Без идеи права правоприменение, по справедливому утверждению А.Г. Карапетова, превращается в «механический и рутинный процесс подставления фактов в шаблон заранее установленных законодателем норм и автоматического выведения решений» [15. С. 21].

Становится понятно, что идея права несводима к позитивному праву. Она характеризует право как триединую сферу, в которой находят разумный баланс интересы человека, общества и государства. В отличие от идеи права, позитивное право может носить по своему содержанию неправовой характер в случае противоречия его содержания фундаментальным социокультурным ценностям. Именно идея права, а не соответствие правоприменительного акта требованиям формального закона *per se*, составляет сущность принципа справедливости в правоприменительной практике. Показательным в данном аспекте является содержание преамбулы Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» [1], в которой отмечается: «Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с *идеями права* (выделено мной. – О.П.)..., Федеральное Собрание Российской Федерации выражает глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, заявляет о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека».

В связи с этим одной из актуальных тенденций правоприменения становится его «выход за рамки» официального, позитивного права, обращение субъектов правоприменительной деятельности к общечеловеческим, нравственным и философским категориям для вынесения юридического решения. Эта тенденция в той или иной степени начинает прослеживаться в правоприменительной практике Европы после Второй мировой войны, с возрождением концепций юснатурализма [36. С.138-139] и международным признанием системы прав человека. В данном аспекте представляет безусловный интерес пример, который приводит американский юрист Л. Фуллер (L. Fuller) в своей работе «Позитивизм и верность праву» (1958) [3. С. 530-672].

В 1944 г. один из германских солдат был отправлен на короткое время в отпуск. В этот период в разговорах со своей женой он неоднократно высказывался о лидере германских нацистов А. Гитлере в крайне негативном ключе, в частности, сожалел о том, что тот не был убит во время покушения 20 июля 1944 г. Впоследствии жена солдата написала в местное отделение НСДАП заявление о совершении им государственного преступления, подчеркнув в его тексте: «Человек, сказавший такое, не достоин жизни». В результате солдат был судим военным трибуналом и приговорен к смертной казни, однако впоследствии назначенное наказание было заменено на пребывание в дисциплинарной воинской части.

В 1949 г. жена приговоренного была судима в Федеративной Республике Германия за соучастие в незаконном лишении его свободы. На суде она заявила, что на момент совершения ею вмененного преступления она находилась под юрисдикцией нацистских законов, которые и следует применять к ее делу на основании общих норм о действии закона во времени и пространстве. Таким образом, в соответствии с законодательством нацистской Германии в ее действиях отсутствовал состав

преступления. Суд первой инстанции согласился с ее доводами и прекратил дело за отсутствием состава преступления. Представители обвинения обжаловали приговор в апелляционном порядке. Пересматривая обжалуемый приговор, апелляционный суд признал подсудимую виновной, отметив: «Законы нацистов действительно подлежат применению к данному делу. Однако они *не могут быть применены, потому как противоречат здравой совести и чувству справедливости любого порядочного человека* (выделено мной. – О.П.)» [33. С. 630-672].

Приведенный пример наглядно иллюстрирует, что идея права не сводится к позитивному праву, и, обнаружив противоречие между формальным правом и его идеей, суд отдает предпочтение именно последней.

Особенность идеи права в том, что она имеет инструментальный характер, то есть *способна оказывать правовое воздействие* и в первую очередь на самого правоприменителя, побуждая его отказываться от мотивировки решения путем обращения к позитивному праву. Правовое воздействие идеи права в таком случае приобретает *опосредованный характер*, поскольку не объективируется в нормах позитивного права, а проистекает из аксиологического концепта идеи права, в содержании которой без труда выделяются нравственные, естественно-правовые императивы. О главенствующей роли идеи права в правоприменительном процессе рассуждает Д. Ллойд, также рассматривая данную проблему в аспекте уголовных производств в судах послевоенной Германии над лицами, действия которых признаваемые правомерными по нацистским законам (безусловно, подлежащими применению темпорально), с общечеловеческих позиций признавались преступными [18. С. 89-90].

Итак, идея права - это смысловое и содержательное ядро процесса применения права, которое никогда не было статичным по своей природе. Как мы показали выше, многие зарубежные и отечественные исследователи приходят к выводу, что идея права опосредуется многими факторами: экономической системой, политическими отношениями, нравственными императивами, международными отношениями и т.д. Центральное место среди факторов идеи права занимают ценностные ориентировки общественного сознания. Социальная аксиология, исторически сложившиеся общественные практики и признаваемая обществом концепция морали *оказывают основное воздействие на идею права*. Однако при этом, следуя терминологии И. Лакатоса, важно подчеркнуть, что «твердым ядром» этой идеи выступают ценности, присущие каждому человеку независимо от социально-экономической и политической организации общества и от его принадлежности к какой-либо социальной группе. Те же ценности и идеи, которые носят сами по себе динамический характер и приходят на смену друг другу с течением исторического времени и развитием государственно-общественных институтов, составляют ее «защитный пояс».

Коренные социальные перемены, вызванные революционными событиями или иными политическими потрясениями (например, распадом государства), приносят в общественную жизнь ту аксиологическую парадигму, которой следуют идеологи и социальные инженеры этих перемен. Перемены ярче все отражаются на позитивном праве. Здесь вновь уместным становится обращение к опыту Германии. Государство, в котором творили гении мировой цивилизации, сформировалась пандектика и историческая школа права, в котором было разработано Гражданское уложение, закрепившее идеи неприкосновенности личности в экономических отношениях, практически одномоментно превратилось в машину подавления личности, попирающую сущностные основы общественного устройства. То право, которое установили нацисты, не было правом, поскольку *идеи нацистского законодательства* ни в коей мере не соответствовали *идее права*.

Анализируя современную правоприменительную практику, с удовлетворением приходится констатировать постепенный отход правоприменителя от позитивистских позиций в правопонимании, обращение его сознания к фундаментальным ценностям и нравственным идеям при разрешении юридических дел. Такая тенденция получила импульс после Второй мировой войны, хотя предпосылки ее усматривались и в более ранние периоды мировой истории. Так, в известном деле “*Mayor of Bradford v. Pickles*” [45], рассмотренном Апелляционным Судом Англии и Уэльса в 1895 г., была сформулирована доктрина нарушения прав человека, в силу которой осуществление законного права может быть признано неправомерным, если оно используется в недостойных целях.

Социальные ценности, лежащие в основе идеи права, находят свое отражение не только в юридическом мышлении, но и в содержании позитивного права. Так, согласно ч. 2 ст. 6 Закона Республики Польша от 2 июля 2004 г. «О свободе хозяйственной деятельности» [44] (*Ustawa z dnia 2 lipca 2004 r. o swobodzie działalności gospodarczej*) органы исполнительной власти не вправе принимать

подзаконные акты, противоречащие сложившимся традициям и условиям предпринимательской деятельности. В ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Швейцарской Конфедерации [40] (*Schweizerisches Zivilgesetzbuch*) определено, что судья, обнаружив наличие пробела в праве при разрешении гражданского дела, может «разрешить дело по таким правилам, какие он установил бы сам, будучи законодателем». Верховный Суд Швейцарии, разъясняя смысл данного положения в постановлении от 12 июля 1961 г. по делу “*i.S. X. gegen Basel-Landschaft, Kanton und Verwaltungsgericht*” [28], указал, что применяя его, судья должен исходить в первую очередь из соображений позитивного социально-экономического эффекта, который будет достигнут вынесенным решением, а также из ценностей и идей, обеспечивающих эффективный диалог между человеком, обществом и государством. Подчеркнем в связи с изложенным, что Конституционный Суд России не раз обращался в своих решениях именно к идее права. Так, в Постановлении Конституционного Суда от 31 марта 2015 г. № 6-П [4] отмечается: «Требование определенности правового регулирования, обязывающее законодателя формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину (объединению граждан) соотносить с ними свое поведение – как запрещенное, так и дозволенное, не исключает использование оценочных или *общепринятых понятий* (выделено мной. – О.П.), значение которых должно быть доступно для восприятия и уяснения». Тем самым высший орган конституционной юстиции фактически указал, что в основе права лежат общепринятые понятия как форма объективации общечеловеческой идеи права. Обращение правоприменителя к идее права не означает, таким образом, безусловного нивелирования позитивно-правовых установок, однако при этом новым содержанием наполняется характер правового воздействия, осуществляемого субъектом правоприменительной деятельности на участников дела. Это содержание, напрямую выводимое правоприменителем из самой идеи права и лишь опосредованно подкрепленное нормами позитивного права, придает правовому воздействию особый, *метанормативный* характер.

Обращение правоприменителя к нравственным и философским категориям, к идее права как необходимая тенденция правоприменения придает ему, таким образом, метанормативный характер, поскольку правоприменитель, следуя данному подходу, выходит за рамки, установленные нормой позитивного права, апеллируя к ее аксиологическим основаниям. Эмпирически об этом свидетельствуют проанализированные выше материалы российской и иностранной судебной практики.

Идея права как сущностно-содержательный концепт вышеназванной тенденции правоприменения опосредует другую, состоящую в том, что правоприменительная практика придает норме права динамическое содержание, наполняя ее новым смыслом в соответствии с запросами времени, тенденциями общественного и государственного развития и актуальной экономической ситуацией. Как подчеркнул в связи с этим Конституционный Суд России в определении от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р [5], «неконституционный смысл придается норме в результате неадекватного Конституции Российской Федерации ее истолкования *правоприменителем*» (выделено мной. – О.П.). Тем самым Конституционный Суд отметил, что применение права как динамический процесс определяет динамику содержания правовой нормы; оставаясь неизменной в рамках текста закона, норма права может содержательно меняться в зависимости от обстоятельств конкретного дела, ее концептуализации правоприменителем и иных факторов. Как указывает в связи с этим А.В. Волков, наибольший динамический потенциал имеет содержание таких норм, которые имеют в своих конструкциях оценочные понятия и категории [10. С. 28-34]. Такие термины, как «добросовестность», «добрые нравы», «нравственные ценности», «разумность» и проч. нередко становятся операндами законодателя при конструировании им правовых норм. Однако на вопрос о том, каково содержание понятий, обозначаемых данными терминами, невозможно дать однозначный ответ. Соответственно, подходы правоприменителя к разрешению данной проблемы могут значительно отличаться даже в рамках одного и того же государства. Это объясняется тем, что, по выражению германского правоведа Р. Штаммлера (R. Stammeler), оценочные понятия – это по своей сути «нормы, указывающие для каждого особого положения правильное в смысле *правового идеала*» (выделено мной – О.П.) [38. С. 36]. Социально-правовое значение оценочных конструкций подчеркивал немецкий автор Ф. Эндеманн (F. Endemann): «В руки судье дается масштаб, покоящийся на нравственных убеждениях общества, как они отливаются в действительности, в практике оборота» [32. С. 20].

Однако, по нашему мнению, оценочные конструкции в праве не исчерпывают всех форм динамики содержания юридических норм в правоприменительной практике. Для иллюстрации такого подхода обратимся к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября

2017 г. № 24-П [2]. Вопрос, разрешаемый в данном деле Конституционным Судом, касался соответствия федеральной Конституции положения, закрепленного в п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, в силу которого новым обстоятельством, являющимся основанием для пересмотра гражданского дела, является определение (изменение) практики применения правовой нормы, закрепленное в актах Президиума или Пленума Верховного Суда России. Конституционный Суд РФ, рассматривая дело, обратился к практике Европейского Суда по правам человека, отметив: «Европейский Суд по правам человека не отрицает возможность квалифицировать изменение толкования законодательства в качестве вновь открывшегося или нового обстоятельства, однако подчеркивает, что такое изменение не оправдывает отмену судебного решения, вынесенного в пользу заявителя. Недопустимость отмены связывается им не с характером обстоятельств, как не существовавших на момент рассмотрения дела, а с тем, что отмена судебного решения привела к ухудшению установленного этим решением положения лица». При этом ранее в Постановлении от 21 января 2010 г. № 1-П [3] Конституционный Суд подчеркнул, что в акте Верховного Суда, определившем (изменившем) практику применения правовой нормы, должно содержаться указание на возможность пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений, при вынесении которых правовая норма была применена судом иначе. Кроме того, пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений признается допустимым, если в результате нового толкования правовых норм не ухудшается положение слабой стороны в правоотношении. Таким образом, Конституционный Суд фактически наполнил положения, закрепленные в п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, новым содержанием, установив новые критерии для пересмотра гражданского дела в связи с изменением практики применения правовой нормы в акте Верховного Суда.

Обобщая, можно заключить, что во многих случаях, когда суд (правоприменитель), руководствуясь идеей права, осуществляет толкование смысла правовой нормы, он реализует полномочия законодателя. В этом заключается регулятивный характер идеи права. Правоприменительные акты, будучи формами объективации мысли законодателя, под «направляющим воздействием» идеи права, обретают ту же регулятивную сущность и динамизм, что и право. Идея права, являясь вместилищем свободы, нравственности и справедливости приобретает *тотальный характер в правовой сфере*. Проявляется этот характер в том, что под воздействием идеи права происходит объединение элементов непосредственного правового воздействия (нормы права, правоприменительные акты) и элементов опосредованного правового воздействия (рефлексия идеи права в сознании правоприменителя). Правоприменитель, воспринимая и руководствуясь идеей права, «разбирая» конкретное юридическое дело, применяет норму права сообразно этой идее, вследствие чего результат правоприменения – правоприменительный акт приобретает свойства права в собственном смысле слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О реабилитации жертв политических репрессий: Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 31 октября 1991. № 44. Ст. 1428.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2017 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других» // Российская газета. 2017. 9 нояб.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение "Берег"», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод "Микропровод"» и «Научно-производственное предприятие "Респиратор"»» // Российская газета. 2010 г. 10 февр.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 3.
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р «О разьяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2008. 28 нояб.

6. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.
7. Алексеев С.С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей // Собр. соч.: в 10 т. Т. 4: Линия права. Концепция. М.: Статут, 2010.
8. Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов, 1978.
9. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.
10. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009.
11. Гегель В.Ф. Философия права. Часть первая. § 36. М.: Мысль, 1990. 524 с.
12. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972.
13. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск: Средне-Уральское книж. изд-во, 1973. 247 с.
14. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Часть первая / пер. с 3-го, испр. нем. изд. СПб.: В типографии В. Безобразова и К⁰, 1875. 309 с.
15. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М.: Статут, 2011.
16. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989.
17. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 200 с.
18. Ллойд Д. Идея права / пер. с англ. М.А. Юмашевой, Ю.М. Юмашева; науч. ред. Ю.М. Юмашев. М.: Югона, 2002. 416 с.
19. Маликов М. Ф. Истоки познания: монография. Т. 4: Генетические основы регионального права: по материалам Республики Башкортостан. 8-е изд, доп. и перераб. Уфа: ГИЛЕМ, 2012.
20. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. 511 с.
21. Пиголкин А.С. Понятие правоприменения и его место в механизме социального регулирования // Правоприменение в советском государстве. М., 1985.
22. Постклассическая онтология права / под общей ред. И.Л. Честнова. СПб: Алетейя, 2016. 684 с.
23. Таймасханов У.Ш. Правовой идеал и правовая идея в контексте правообразования, правореализации и толкования права // Философия права. 2014. № 1. С. 97-100.
24. Теория юридического процесса / И.В. Бенедик, В.М. Горшенев, В.Г. Крупин, Ю.И. Мельников и др. / под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьковском ун-те, 1985.
25. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права (Классики русской философии права) / отв. ред. В.П. Сальников. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 1998. 183 с.
26. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М.: Наука, 1988.
27. Шугуров М.В. Идея права: философско-правовой анализ // Вестник Саратов. гос. юрид. академии. 2017. № 1. С. 36-45.
28. Bundesgericht Urteil vom 12 Juli 1961, *i.S. X. gegen Basel-Landschaft, Kanton und Verwaltungsgericht*, BGE: 86 I 36.
29. David M. Jones. The Metamorphosis of Tradition: The Idea of Law and Virtue in East Asian Political Thought // Southeast Asian Journal of Social Science. 1993. Vol. 21, № 1. P. 18-35.
30. Southeast Asian Journal of Social Science. 1993. Vol. 21, № 1. P. 18-35.
31. Dennis Patterson. The Idea of Private Law by Ernest J. Weinrib // The Modern Law Review. 1995. Vol. 58, № 6 (Nov.). P. 916-917.
32. Endemann F. Einführung in das Studium des BGB. Lehrbuch des bürgerlichen Rechtes. 3-4 Aufl. Bonn, 1897. S. 20.
33. Fuller F. Positivism and Fidelity to Law. A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. 1958. № 630. P. 630-672.
34. Matthew Dyson. The Idea of Public Law by Martin Loughlin // The Cambridge Law Journal. Vol. 64, № 2 (Jul., 2005). P. 503-504.
35. Stafleu M.D. The idea of natural law // Philosophia Reformata. 1999. Vol. 64, № 2. P. 88-104.
36. Natural Law versus Positive Law // Murray N. Rothbard. The Ethics of Liberty. NYU Press. 2002. Pages: 308. P. 17-20.
37. Roscoe Pound, Edmund A. Walsh. The Idea of Law in international relations // Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921-1969). 1939. Vol. 33 (APRIL 27-29). P. 10-32.
38. Stammler R. Das Recht der Schuldverhältnisse. Lpz., 1897. S. 36.
39. Standards relating to Adjudication. Cambridge, Massachusetts A Subsidiary of Harper & Row, Publishers, Inc., 1980.
40. Schweizerisches Zivilgesetzbuch vom 10 Dezember 1907 // BBl 1904 IV 1, 1907 VI 367.
41. Tai-Heng Cheng. The Idea of Law. Proceedings of the Annual Meeting // American Society of International Law. Vol. 103; International Law As Law (2009). P.113-116; Southeast Asian Journal of Social Science. 1993. Vol. 21, № 1. P. 18-35.
42. The Medieval Idea of Law as Represented by Lucas de Penna by Walter Ullmann / Review by: H.F.J. // The Modern Law Review. 1947. Vol. 10, № 1 (Jan.). P. 90-91.

43. Upendra Baxi. Chhatrapati Singh and idea of legal theory// Journal of the Indian Law Institute. 2014. Vol. 56, № 1 (January-March). P. 5-24.
44. Ustawa z dnia 2 lipca 2004 r. o swobodzie działalności gospodarczej // Dz.U. 2004. Nr 173. Poz. 1807.
45. "Mayor of Bradford v. Pickles". A.C. 587 (1895).

Поступила в редакцию 30.05.2019

Пучков Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры государственной теории и права
Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург)
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: Argun061@gmail.com

O.A. Puchkov

THE IDEA OF LAW AS AN UNKNOWN PHENOMENON OF LAW ENFORCEMENT

DOI: 10.35634/2412-9593-2019-29-4-522-529

The article is devoted to the concepts of the idea of law and law enforcement. The author justifies the idea that the application of law should be based on the idea of law. Modern trends in law enforcement convince that since the post-war period, law enforcement agencies (and, above all, the courts) increasingly make decisions and sentences not only on the basis of the norms of positive law, but also guided by the norms of morality, ethics, principles of respect for individual rights and freedoms. The idea of law is a concept in which the imperative is expressed in a concentrated form, implying the observance of personal rights and freedoms, morals and ethics, etc., by state bodies. The influence of the idea of law on law enforcement can give the latter properties that correspond to the modern ideas of justice and morality of law.

On the basis of the analysis of acts of constitutional justice and judicial precedents, the author proves that judicial decisions and other law-enforcement acts, adopted under the influence of the idea of law, acquire new qualities that allow them to dynamically exert a positive legal impact. As a result, the acts of law enforcement can be considered as a law per se.

Keywords: law, idea of law, application of law, court decision, precedent, law enforcement act.

Received 30.05.2019

Puchkov O.A., Doctor of Law, Professor at Department of the State Theory and Rights
Ural State Law University
Komsomol'skaya st., 21, Yekaterinburg, Russia, 620137
E-mail: Argun061@gmail.com